

УДК 94(470) «1905/1907»

**Колесникова М.А.**

*Московский государственный областной университет*

**ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 – 1907 ГГ.  
РУССКИМИ СОФИОЛОГАМИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

***M. Kolesnicova***

*Moscow State Regional University*

**EVALUATION OF THE EVENTS OF THE 1905 REVOLUTION IN THE WORKS OF  
RUSSIAN SOPHILOGISTS OF THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

*Аннотация.* До настоящего времени взгляды русских софиологов конца XIX – начала XX века рассматривались прежде всего с точки зрения их философского мировоззрения. В статье речь идет о том, как данные мыслители, придерживаясь взглядов всеединства, пытались осмыслить события Первой российской революции. Софиологи остро чувствовали изменения, происходящие в стране, и стремились изложить свои позиции. Одни из представителей данного направления предлагали мирным путем реформировать страну, сохраняя идею всеединства, но события 1905 года показали им невозможность практического осуществления их политического идеала. Другие, отстаивая ту же идею всеединства, напротив, восприняли события Первой российской революции как признак и религиозного возрождения, и перехода к демократии.

*Ключевые слова:* идея Софии, Первая российская революция, национальные катастрофы, политико-государственный идеал.

*Abstract.* Until now the ideas of Russian sophiologists of the late 19th – early 20th century have been considered from the philosophical point of view. The article analyses how these philosophers, who adhered to the concept of all-unity, interpreted the events of the first Russian revolution. The sophiologists felt the changes that took place in the country and tried to explain, conceptualize and put down their attitudes and views. Some representatives of this trend called for peaceful reform of the country, maintaining the idea of all-unity. Others (although supporting the same concept of universal unity) considered the events of the first Russian revolution as a sign of religious revival and transition to democracy.

*Key words:* the idea of Sophia, the first Russian revolution, national catastrophies, politico-national ideal.

Современное социально-историческое знание переживает непростое время поиска. Еще недавно привычные стереотипы испытывают период трансформации. В этой связи правомерно обратиться к взглядам тех мыслителей, которые выдвигали свою идею преодоления кризиса и по-своему рассматривали события, происходившие в стране. Речь идет о русских мыслителях конца XIX – начала XX вв. (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др.), представлявших так называемое научно-религиозное направление софиологии. Словарь по русской философии дает следующее определение термина софиологии: «софиология - учение о Софии Премудрости Божией русских религиозных философов конца XIX - начала XX в., вобравшее в себя элементы как церковного предания, так и гностицизма, каббалы, европейской мистики. Существенной для софиологов является проблема взаимоотношения Бога и мира, происхождения несовершенного мира из совершенного Бога» [2, 315]. Нас будет интересовать, как данные мыслители, придерживаясь взглядов всеединства, пытались рассмотреть события Первой российской революции.

Многие мыслители (С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др.) кризис, происходивший в стране, связывали с русской революцией. Несмотря на в какой-то мере схожесть взглядов относительно Софии, все эти мыслители по-разному восприняли события Первой российской революции. Русские мыслители полагали, что революция стала свидетельством разорванности эпох, крушения привычных основ жизни. В обществе происходило разрушение патриархальных связей, отрыв массы населения от деревни. В России началось переосмысление исторического прошлого и настоящего

страны, возникли попытки кардинальной переоценки ценностей, характерные для русского самосознания в переломные эпохи смены веков.

В.С. Соловьев не дожил до дней первой российской революции, но предвидел события, которые могут произойти в стране. В одной из своих последних работ «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899 – 1900) он говорит о России не как о самостоятельной державе, а как о части объединенных штатов Европы. Владимир Сергеевич отмечает, что исторический процесс по своей природе есть трагедия, а утверждение в нем добра происходит только через гибель земного благополучия. Заглядывая в будущее, он указывает на то, что человечество стоит на пороге «великих войн, междоусобиц и переворотов» [3, 160]. Владимир Сергеевич считал, что политика нового режима должна быть христианско-революционной. Этого не поняло русское общество. Соловьев призывал к революции, то есть изменению существующего порядка в стране, но во имя Христа, то есть сохраняя жизнь людей, не проливая крови, поскольку понимал, что в противном случае, при сохранении прежней псевдохристианской политики, произойдет революция, которая приведет к огромному количеству жертв, и эти события будут иметь страшные последствия для России. Рассматривая события Запада и произошедшие там революции, Владимир Сергеевич сравнивал Россию и отмечал: «...революционное движение предоставило каждому свое лицо самому себе и вместе с тем уничтожило его органическое различие от других» [3, 163]. Революция, с точки зрения Соловьева, разрывая старые связи и сокрушая старые идеалы, далеко не всегда способна произвести новые; важно, чтобы революция привела к образованию нового совершенного общества. Ни на что не направленная свобода отрицательна по своей сути: она не может сообщить человеческой жизни никакого содержания. Тревожную историческую закономерность философ видел в том, что национальные катастрофы превращаются в мировые.

В.С. Соловьев пытался обратиться к верховной власти – к императору Николаю II. Правда, неизвестно, было ли письмо отправлено, но его содержание точно передает настроение философа в последние годы жизни. Соловьев выступал за сохранение самодержавия, он призывал Николая стать вторым Освободителем и Миротворцем. «Духовная сущность России, – писал Соловьев,

– есть православие. Не может такой вид Христианства утвердиться насилем. Зачем же тут еще принуждение, к чему эта внешняя искусственная ограда от уголовных законов, административных притеснительных мер и цензурных запрещений? Такое положение для самой господствующей Церкви прямо пагубно. Закрепощение людей к православию лишает русскую Церковь нравственной силы» [3, 178]. Следовательно, Соловьев не против революции, но только потому, что больше никак нельзя изменить положение в стране, это не просто революция, а христианская революция, призывающая к объединению монарха и народа. «Русская жизнь и мысль второй половины XIX века, – характеризовал Владимира Сергеевича Н.А. Бердяев, – не знает другого столь вселенского, универсального человека, для которого всегда существовала лишь Россия, человечество, мировая душа, Церковь, Бог, а не кружковщина и направленчество» [1, 432].

Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие были привержены идеи всеединства В.С. Соловьева. Сергей Николаевич был безусловным сторонником мирного реформирования страны. Сергей Николаевич подчеркивал, что в сложный для страны момент, когда требуется консолидация сил для победы в Русско-японской войне, нельзя возвращаться к реакции. Он говорил, что «вооруженная реакция» не способна усилить монархическую власть и решить проблемы, стоявшие перед Россией. Вооружаясь, идя против правительства, нельзя решить всех проблем, назревших в стране. Иначе получится, что вооруженная толпа «разрубит узел», который образовывался на протяжении долгого времени. «Разрубить узел» – это значит оставить неразрешенные проблемы, думая, что они решатся сами собой, это непонимание того, что «разрубив», а не решив назревшие проблемы, ты все равно столкнешься с ними, – это только вопрос времени.

Если правительство по-прежнему будет откладывать реформы, общество еще более революционизируется, продолжал он, в том числе даже умеренные земские деятели. «Волна, поднимающаяся снизу, и глупые дразнящие меры сверху делают свое дело и заставляют людей терять не только государственный, но и здравый смысл» [6, 195], – воскликнул Сергей Николаевич. С.Н. Трубецкой словно предвидел будущее, пытался натолкнуть правительство на проведение «реформ сверху», а обществу дать понять, что решить проблему в одночасье с помощью оружия нельзя.

Евгений Николаевич Трубецкой высказывал мысль о возникновении в будущем соборного единства народов во Христе, которое вообще отменит необходимость каких бы то ни было государств. Являясь одним из основателей партии кадетов, Е. Трубецкой вышел из нее уже в 1905 г. Ему претил сам партийный дух, зараженный доктринерством, бюрократизмом, жестокостью партийной дисциплины, стесняющей свободу выражения своих взглядов. Партия всегда совершает поступки, несовместимые с совестью. У кадетов, помимо пороков, свойственных всем партиям, его раздражали поклоны влево. Выйдя из партии, он издавал журнал «Московский еженедельник», где не стесненный партийной догмой, свободно высказывал свое мнение. В политику он хотел ввести понятия «этика», «совесть», «достоинство», забвение которых грозит катастрофой для России: «Общественное движение сбилось с пути и сдвинулось со своих нравственных основ: вот почему оно терпит крушение. Нельзя строить общество на животном, буржуазном страхе и инстинкте самосохранения; но его нельзя строить и на алчности, злобе и человеконенавистнических чувствах озверевшей массы: ибо животные инстинкты – это те самые центробежные силы, которые рвут на части общественный организм. Кто обращается к ним, тот строит на песке.

А между тем мы только к ним и обращаемся. Мы забыли о самом главном – о человеке и его достоинстве» [5, 12].

Однако ситуация нестабильности конца XIX в. и революция 1905 г. показали невозможность практического осуществления этого политического идеала, он стал казаться несбыточным и самому Трубецкому. Манифест 17 октября Трубецкой считал не заслугой царя, а следствием революции [6, 95]. Он полагал, что революция 1905 – 1907 гг. не состоялась, во многом, потому, что она не решила назревших проблем, а только разбудила «двух зверей»: «Зверь, пробудившийся в революции, родил из недр своих звероподобную реакцию» [5, 12]. Интеллигенция вместо просвещения народа стала льстить зверским инстинктам народа, занялась «зверопоклонством под видом народопоклонства». Ее демагогия и лесть «упразднили всякую грань между свободой и анархией, между социализмом и грабежом, между демократией и деспотизмом» [5, 12]. Интеллигентская идеология дышит максимализмом, который переходит «от крайнего идеализма к крайней преступности – до полной утраты человеческого облика» [5, 12].

После революционных преобразований 1905 г. Евгений Николаевич рассматривается С.Ю. Витте в качестве кандидата на пост министра народного просвещения, однако оказывается наивным политиком. С.Ю. Витте после беседы с Трубецким отмечал: «Это чистый человек, полный философских воззрений, с большими познаниями, как говорят, прекрасный профессор, настоящий человек, но наивный администратор и политик. Совершенный Гамлет русской революции. Он мне, между прочим, сказал, что едва ли он вообще может быть министром, и, в конце концов, и я не мог удержать восклицания – «кажется, вы правы» [5, 11].

Евгений Николаевич стремился все и всех примирить на основе правды и справедливости. Это своего рода политическое положение его идей всеединства.

Подводя итог постреволюционным событиям, Е.Н. Трубецкой сделал весьма неожиданный вывод – произошла революция, в которой оппозиция и правительство поменялись местами. Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел, полиция изо всех сил «будят общество» и пытаются его революционизировать, а оппозиция проповедует «умеренные и явно консервативные воззрения» [4, 106]. Размышления Евгения Николаевича о политике вылились в утверждение о собственной вине общества, освободительного движения в неудачах революции и первых лет парламентаризма. Евгений Николаевич Трубецкой высказал мысль, что у участников освободительного движения отсутствовали не только общие интересы, но и общие правовые и нравственные убеждения: «недуг освободительного движения был нравственного свойства» [4, 215].

Другой видный мыслитель того времени, Владимир Францевич Эрн считал, что только принцип соборности создаст необходимую базу для решения социальных проблем. По В.Ф. Эрну, любовь к русскому народу должна сочетаться с любовью к другим народам. Владимир Францевич отмечал: «Загадка России – вопрос не только программы, политики или внешнего поведения. Он стоит перед сердцем как проблема внутреннего нашего самосознания и интимного самочувствия» [7, 237]. Эрн говорит, что раньше Россия жила обособленно от исторического развития других стран, но, как считает философ, начало XX века изменило ситуацию, и Россия выступила «в роли вершительницы судеб Европы» [7, 304].

На первый взгляд, его теория кажется очень логичной, его личная любовь к России и ко всему русскому вполне понятна и заслуживает уважения, но с критической точки зрения его идеи свидетельствуют о пребывании автора в мире своих субъективных мыслей, зачастую оторванных от окружающей действительности.

Нужно сказать, что он пытался воплотить свою теорию в реальную жизнь. В 1905 г. В. Эрн вместе с В. Свенцицким создал общественную организацию Христианское братство борьбы, ставшую, по сути, реакцией интеллигенции на трагедию «Кровавого воскресенья» и на попустительство официальной церкви в связи с данным событием. Члены данного сообщества, оставаясь преданными Православной церкви, включаются в политическую борьбу с самодержавием на основе евангельского понимания достоинства человеческой личности. Отстаивавший также главный принцип софиологов – принцип всеединства, В.Ф. Эрн предлагал освободиться от плена государства возможно и путем революции и благодаря этому войти в царство любви и социальной гармонии. Революционные выступления в России он воспринял как признак религиозного возрождения, перехода к демократии на основе христианских ценностей.

Последователи В.С. Соловьева, так же, как и он сам, были теоретиками, а не практиками. Они недооценивали значение социальных и поли-

тических технологий, которыми в полной мере воспользовались большевики и другие радикальные силы. Их общественный идеал не перешел на уровень конкретных проектов, они не уделяли достаточно внимания разработке программ, приближающих достижение общественного идеала. Русские мыслители оказались бессильны повлиять на разворачивающуюся в России историческую драму. Это обстоятельство не лишает значимости их взгляды, ибо будущее народов и человечества творится не только через социальные технологии, но и через утверждение определенной совокупности идей, которые могут быть восприняты и по-новому осмыслены тогда, когда придет время.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Наука, 2000. С. 567.
2. Маслина А.А. Русская философия: словарь. М.: Республика, 1995. 827 с.
3. Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1998. 451 с.
4. Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Ростов на Дону: Феникс, 1998. 345 с.
5. Кн. Е. Трубецкой Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. 352 с.
6. Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. 337 с.
7. Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. 657 с.